

Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии

Евгений В. Крыжко¹, Петр И. Пашковский²

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,*

¹jeyson1030@gmail.com, ²petr.pash@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии в постбиполярный период. Охарактеризованы императивы и константы, а также трансформация центрально-азиатской политики Вашингтона. Показано, что пять центрально-азиатских государств в течение последних тридцати лет находятся в фокусе американской внешней политики. Большое значение при формировании внешнеполитического курса США в Центральной Азии играло наличие в регионе значительных запасов энергетических и минеральных ресурсов. Поэтому на первый план выходило соперничество за каспийские энергоресурсы и маршруты их транспортировки. Помимо диверсификации транспортно-логистических потоков и поддержки американских компаний, энергетическая политика США в Центральной Азии была нацелена на предотвращение восстановления экономического и политического влияния России, а также на противодействие проникновению Китая, заинтересованного в экономическом сотрудничестве со странами региона. В рассматриваемый период наблюдалась следующая трансформация механизмов и средств политики Вашингтона на центрально-азиатском направлении: политика «экспорта демократии»; попытки «вращения» проамериканской элиты; стремления разделить государства на отдельные группы с перманентным «назначением» лидеров; вовлечение в единую военную систему по борьбе с терроризмом; воздействие на сознание населения в целях дестабилизации геополитических соперников; выстраивание сотрудничества на прагматичной основе вследствие внутренних трудностей и внешних ограничений. Государства Центральной Азии симпатизировали американскому курсу по причине заинтересованности в технологиях и инвестициях. При этом они всячески дистанцировались от импульсов «демократизации» со стороны Вашингтона. Постоянным региональным союзником США выступил Казахстан, к которому стремился подключиться Узбекистан. Второй эшелон во взаимоотношениях с американской стороной заняли Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Особенностью позиций центрально-азиатских стран является получение максимальной выгоды от сотрудничества с Вашингтоном при выстраивании добрососедских отношений с Россией и Китаем, что входит в диссонанс с региональными императивами США. В перспективе американская стратегия в Центральной Азии предполагается исходить из целесообразности привлечения региональных союзников и стимулирования противоречий для сдерживания геополитических соперников в регионе.

Ключевые слова: Большая Центральная Азия, США, Россия, Китай, геополитика, энергетические ресурсы, «цветные революции», «экспорт демократии», «мягкая сила»

Для цитирования: Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):65-81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>

Статья поступила: 31.01.2021

Принята в печать: 17.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

Features of the US Foreign Policy Towards the Central Asian States

Evgeniy V. Kryzhko¹, Petr I. Pashkovsky²

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹jeyson1030@gmail.com, ²petr.pash@yandex.ru

Abstract: The article examines the features of the US foreign policy towards the Central Asian states in the post-bipolar period. The imperatives and constants, as well as the transformation of Washington's Central Asian policy, have been characterized. It is shown that five Central Asian states have been in the focus of American foreign policy over the past thirty years. In the process of shaping the US foreign policy in Central Asia, the presence of significant reserves of energy and mineral resources in the region was of great importance. Therefore, rivalry for Caspian energy resources and their transportation routes came to the fore. In addition to diversifying transport and logistics flows and supporting American companies, the US energy policy in Central Asia was aimed at preventing the restoration of Russia's economic and political influence, as well as countering the penetration of China, which is interested in economic cooperation with the countries of the region. During the period under review, the following transformation of mechanisms and means of Washington's policy in the Central Asian direction was observed: the policy of "exporting democracy"; attempts to "nurture" the pro-American elite; striving to divide states into separate groups with permanent "appointment" of leaders; involvement in a unified military system to combat terrorism; impact on the consciousness of the population in order to destabilize geopolitical rivals; building cooperation on a pragmatic basis due to internal difficulties and external constraints. Central Asian states sympathized with the American course because of their interest in technology and investment. At the same time, these states in every possible way distanced themselves from the impulses of "democratization" from Washington. Kazakhstan was a permanent regional ally of the United States, to which Uzbekistan was striving to join. The second echelon in relations with the American side was occupied by Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan. A feature of the positions of the Central Asian countries is the maximum benefit from cooperation with Washington while building good-neighborly relations with Russia and China, which is in dissonance with the regional imperatives of the United States. In the future,

the American strategy in Central Asia will presumably proceed from the expediency of attracting regional allies and stimulating contradictions in order to contain geopolitical rivals in the region.

Keywords: Greater Central Asia, US, Russia, China, geopolitics, energy resources, “color revolutions”, “export of democracy”, “soft power”

For citation: Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Features of the US Foreign Policy towards the Central Asian States. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):65-81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>

Received: 31.01.2021

Revised: 17.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Разрушение СССР обусловило возникновение региона современной Центральной Азии, в рамках которого традиционно рассматриваются территории пяти постсоветских государств: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [1, 2, 3]. Особое значение региона объясняется его геополитическим положением как «сердцевины» Евразии, расположенной на стыке разных цивилизаций, где сосредоточены значительные запасы полезных ископаемых (в частности, углеводородных ресурсов) и пути их транспортировки [4, 5, 6, 7, 8]. Исторически являясь зоной особых интересов России, центрально-азиатский регион стал местом конкуренции глобальных и региональных акторов, находясь в фокусе внешней политики США, реализующих на региональном уровне свои цели в процессе формирования постбиполярной системы международных отношений.

Учитывая высокую степень изученности различных аспектов американского влияния в Центральной Азии [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], тем не менее, недостаточно исследованными представляются вопросы, связанные с выявлением императивов и констант внешней политики Вашингтона в отношении государств региона,

понимание которых позволяет раскрыть глубинную сущность её трансформации и с большей достоверностью моделировать вариации будущего развития. Обзорной характеристике особенностей внешнеполитического курса США на центрально-азиатском направлении посвящена настоящая статья.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С момента возникновения независимых государств Центральной Азии США налаживали политические, экономические и военные связи со странами региона. Расширялась деятельность различного рода фондов и неправительственных организаций, а центрально-азиатские республики вовлекались в различные проекты. В доктринальной плоскости процесс формирования американской политики в отношении стран региона в начале 1990-х гг. проявился в законе, принятом Конгрессом США в 1992 г., — «Акте о поддержке свободы» [19]. В нем были закреплены указанные интересы Вашингтона в отношении государств бывшего СССР, и конкретно центрально-азиатского региона.

Обосновывая императивы американских внешнеполитических подходов

на постсоветском пространстве, в том числе в отношении государств Центральной Азии, американский государственный деятель и исследователь Г. Киссинджер в 1994 году отмечал: «Россия вынуждена блюсти свои особые интересы, связанные с ее безопасностью в государствах, которые она называет «ближним зарубежьем», — в республиках бывшего Советского Союза — в отличие от земель за пределами прежней империи. Но дело мира во всем мире требует, чтобы эти интересы были удовлетворены при отсутствии военного давления или одностороннего военного вмешательства. Ключевой вопрос — считать ли взаимоотношения России с новыми республиками международной проблемой, подчиняющейся общепринятым правилам внешнеполитической деятельности? Или это производное от российской практики одностороннего принятия решений, на которые Америка постарается повлиять, если вообще этого захочет, апеллируя к доброй воле российского руководства? В определённых районах — например, в республиках Средней Азии, которым угрожает исламский фундаментализм, — национальные интересы Соединённых Штатов, возможно, параллельны российским, по крайней мере, в той части, в которой речь идет о сопротивлении иранскому фундаментализму. Сотрудничество в этом плане будет вполне возможно в той мере, в какой оно не будет представлять собой сценария возврата к традиционному российскому империализму» [2].

В период 1991–1996 годов формируются цели американского курса в Центральной Азии, определяются механизмы политики США, а также набор средств их реализации применительно к отдельным государствам и региону в целом. В целях защиты интересов Вашингтона и обеспечения свободного доступа к энергетическим ресурсам реги-

она, основными задачами политики США выступали: сохранение независимости и экономической жизнеспособности новых независимых государств; сдерживание влияния России; партнерство по разработке энергетических ресурсов; разрешение этнических конфликтов; противодействие распространению исламского радикализма; стимулирование западного и южного направлений транспортировки энергоресурсов региона [4, 11, 12].

В середине 1990-х годов Вашингтон разделил страны Центральной Азии на две группы. В первую вошли Казахстан и Кыргызстан, которые рассматривались в качестве «буфера», препятствующего распространению влияния России в регионе, с одной стороны, и создававшего «стену» в формировании российско-китайских транспортно-логистических путей, — с другой. Ко второй группе относили Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, которые создавали «барьер», защищавший казахстанскую и кыргызстанскую территории от воздействия со стороны Афганистана и Ирана [1]. Такая конфигурация, в понимании США, должна была обеспечить буферную зону между региональными игроками, препятствуя образованию геополитических союзов.

Наиболее показательно американская активность проявлялась в сфере энергетики. В 1990-х годах был согласован ряд проектов по транспортировке углеводородного сырья Каспийского региона в западном и южном направлениях. Идея создания энергетического коридора «Восток — Запад» встала на повестку дня в 1993 года, что было связано с интеграцией азербайджанского энергетического сырья на международные рынки при активной поддержке США. В 1997 году начал функционировать нефтепровод Баку — Новороссийск, а в 1999 году первая нефть пошла по тру-

бопроводному маршруту Баку — Супса. В 1998 г. был согласован проект по транспортировке углеводородов из Азербайджана и стран Центральной Азии на Запад (нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан). В связи с нехваткой азербайджанской нефти, делался акцент на нефть из Центральной Азии, прежде всего с территории Казахстана¹.

Первые попытки реализовать южный энергетический вектор были осуществлены в 1995 г. Американская нефтяная компания «Unocal» разработала проект транспортировки нефти из казахстанских и, в перспективе, западносибирских месторождений через территорию Афганистана к потребителям в Пакистане и Индии, а также к морским пакистанским терминалам, что позволяло обеспечить выход на международные энергетические рынки. Исходя из оценок «Unocal» и присоединившейся к проекту саудовской компании «Delta», стоимость проекта составит 2,7 млрд долл. Однако риски реализации данной энергетической артерии, связанные с нестабильностью в Афганистане, платежеспособностью Пакистана и сдержанной позицией Индии, привели к заморозке этой идеи на неопределенный срок [6].

Американский эксперт и государственный деятель З.Бжезинский, размышляя в 1997 году о будущем государств региона, обосновал идеи, ставшие в дальнейшем императивами и константами евразийской и, в частности центрально-азиатской, политики Вашингтона. «В конечном счете, — писал он, — будущее Средней Азии, похоже, будет сформировано еще более сложным комплексом обстоятельств, при этом судь-

бу ее государств будет определять запутанное взаимодействие российских, турецких, иранских и китайских интересов, равно как и степень, до которой Соединенные Штаты ставят свои отношения с Россией в зависимость от российского уважения независимости новых государств. Реальность этого взаимодействия исключает империю или монополию как существенную цель для любой заинтересованной геостратегической фигуры. Скорее принципиальный выбор — между хрупким региональным равновесием (которое позволило бы постепенно вовлечь данный регион в нарождающуюся глобальную экономику в то время, как государства региона постепенно консолидировались бы и, возможно, обретали все более выраженные исламские черты) и этническим конфликтом, политическим расколом и, возможно, даже открытым столкновением вдоль южных границ России. Достижение и укрепление этого регионального равновесия должно стать существенной задачей всеобъемлющей геостратегии США в отношении Евразии» [1].

В политике США в отношении государств Центральной Азии с 1997 года прослеживается трансформация подходов по выстраиванию диалога с отдельными странами региона. Эти изменения были связаны с усилениями региональных позиций России, КНР и Ирана, а также с приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»². Это движение проводило активные боевые действия с афганскими таджиками и узбеками, поддерживаемыми Тегераном, Москвой и Пекином, что могло послужить фактором сближения центрально-азиатских государств с американскими геополитическими соперниками.

¹ Volkan Ş. Ediger, Duygu Durmaz. The New Geopolitical game in the Caspian Region: Azerbaijan-Turkey Energy Relations. 2016. 23 September. URL: <http://turkishpolicy.com/article/819/the-new-geopolitical-game-in-the-caspian-region-azerbaijan-turkey-energy-relations> (Accessed: 15.12.2020).

² Движение «Талибан» — террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

В своих внешнеполитических приоритетах во второй половине 1990-х годах Вашингтон концентрируется на создании «регионального буфера» из пяти центрально-азиатских республик и, одновременно, источника энергоресурсов для реализации транспортного коридора «Восток — Запад» и сдерживания Китая и России. Американская сторона активно наращивает свое присутствие в странах региона, используя методы «мягкой силы», а также проводит политику «заигрывания» с правительствами государств в вопросе «назначения» регионального лидера. Данная тенденция была закреплена в принятом Конгрессом США «Акте стратегии Шелкового пути» в 1999 г. [20]. При этом парламентские и президентские выборы в государствах Центральной Азии в течение 1999–2000 годов укрепили властные позиции «старой» политической элиты, которая на практике продемонстрировала отказ от исключительно проамериканской ориентации, что обусловило необходимость обновления региональной стратегии для США.

События 11 сентября 2001 г. и последующая антитеррористическая кампания США и стран союзников в Афганистане трансформировали американское присутствие в Центральной Азии. Военная кампания против движения «Талибан» позволила Вашингтону набрать «геополитические бонусы» в отношении ослабления региональных позиций России и КНР. Региональными точками опоры для США стали Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан [11]. Лидером для Вашингтона в обозначенной тройке являлся Ташкент, что было закреплено в «Декларации о рамках стратегического партнерства и сотрудничества» [21], которая была подписана в марте 2002 г. в ходе визита президента И. Каримова в Вашингтон [22]. Узбекистан рассматривал союз с США как источник крупных инвестиций

и возможность получить международную протекцию в решении пограничных проблем. Также он, в отличие от Кыргызстана и Таджикистана, не имел обязательств по линии Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации. Расширение военного, экономического и политического присутствия США в регионе было обусловлено потерей стратегической инициативы РФ и КНР в Центральной Азии в 2001–2002 годах [11].

Укрепление американских позиций в Центральной Азии виделось администрацией Дж. Буша-младшего путем трансформации политических элит стран региона. Согласно резолюции Маккейна — Либермана, принятой Конгрессом США в январе 2003 г., на осуществление демократических преобразований и поддержку общественных организаций в государствах региона предусматривалось расширение финансирования [23]. Для осуществления поставленной цели были применены механизмы «цветных революций», но данная тактика не принесла ожидаемых результатов. Это было обусловлено минимизацией угрозы со стороны Афганистана, слабостью политической оппозиции и пришедших к власти после «революции» сил (не приведших к эффективному управлению страной — Е. К., П. П.), недоверием со стороны «старой» политической элиты к политике США в регионе и, как следствие, переориентацией центрально-азиатских государств на Россию и КНР [22]. Такие последствия не устраивали Вашингтон, что привело к коррекции американских подходов в отношении стран Центральной Азии.

Таким образом, основные интересы Соединенных Штатов в регионе в этот период можно представить следующими положениями: установление и расширение присутствия в регионе является элементом общей стратегии США по упрочению своего

глобального лидерства; США заинтересованы в обеспечении доступа к природным ресурсам Каспийского региона в рамках осуществления своей энергетической политики, направленной на уменьшение зависимости от поставок энергоносителей из арабских стран; посредством распространения своего влияния на регион США стремились не допустить ситуации, когда одна или группа держав (особенно таких, как РФ и КНР) будут доминировать в регионе, ослабляя и/или исключая там американское присутствие.

В конце 2005 года Соединенные Штаты изменили подходы к Центральной Азии. Руководитель Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж.Хопкинса Ф.Старр разработал новый проект «Большая Центральная Азия», который был направлен на объединение в единую систему Центральной и Южной Азии [18]. Начиная с 2006 года, точками для опоры американской региональной политики избрали Казахстан, Кыргызтан, Таджикистан, а также включили в эту связку Афганистан как неотъемлемую часть, что было закреплено в «Акте стратегии Шелкового пути» [24], принятом Конгрессом США в 2006 году. В стратегии Вашингтона акценты сместились на более активную поддержку развития энергетического и торгового коридора «Восток — Запад» и укрепление безопасности. Это должно было нивелировать укрепляющиеся связи стран Центральной Азии с геополитическими конкурентами в лице России и Китая.

В рамках обновлённых подходов госдепартамент США изменил принципы регулирования контроля и дал новое название проекту — «Большая Южная Азия» [16]. Такая переориентация была связана с несоответственностью составных частей нового региона: Южная Азия в экономическом и демографическом отношении больше

Центральной Азии, что привело бы к «поглощению» ею северной составляющей проекта. Основой проекта «Большая Южная Азия» являлось создание транспортных и энергетических коридоров, проходящих через Афганистан. По этим коридорам государства Центральной Азии могли экспортировать свои энергоресурсы, сырье и товары в Индию, Пакистан и другие страны. Строительство трансафганского газопровода полностью укладывалось в рамки данного проекта.

Согласно замыслу США, Таджикистан мог сыграть существенную роль в реализации проекта «Большой Южной Азии», представляя собой основной коридор для вовлечения стран региона в поддержку реконструкции Афганистана. В рамках этого проекта Вашингтон популяризировал идею энергетической интеграции Таджикистана с союзными США Афганистаном и Пакистаном, а также с Индией, с которой у них наметилось сближение позиций. В соответствии с указанными интересами главный вектор американской политики в регионе был направлен на сокращение экономического и политического присутствия России и создание условий, обеспечивавших Вашингтону возможность оказывать экономическое и политическое воздействие на Китай и Иран с территории Центральной Азии.

США в период администрации президента Дж. Буша-младшего неоднократно применяли механизмы «экспорта демократии» и «цветных революций», направленные на установление в странах проамериканских политических сил. «В Закавказье и Центральной Азии, — говорил Дж. Буш-младший — люди лелеют надежду на перемены, и перемены наступят. По всему Большому Ближнему Востоку мы наблюдаем за становлением нового поколения людей, сердца которых горят

свободой, и они обретут свободу. <...> Мы стали свидетелями розовой, оранжевой, пурпурной, тюльпанной и кедровой революций, и это только начало»³. В рамках реализации изложенных инициатив в 2008 г. в США был создан Гражданский корпус реагирования, призванный решать проблему заполнения политического вакуума после внеочередной смены государственного руководства, оказывая помощь гражданам стран, находящихся в политическом кризисе [17]. Фактически данная организация направляла в различные государства мира советников по «построению демократии» и формированию лояльной Вашингтону политической элиты, разрабатывая сценарии её прихода к власти.

При администрации президента Б.Обамы внимание к центрально-азиатскому региону возросло. При этом был смещен акцент с политики «демократизации» государств под единый стандарт на решения проблем безопасности. Политика Вашингтона в Центральной Азии трансформировалась в выстраивание отношений исключительно по прагматическому принципу, в то же время декларативно оставались установки глобального характера, однако финансирование на поддержку демократических свобод в рассматриваемых государствах, начиная с 2009 г., сокращается [14]. В этом контексте американцы реализовывали стратегию точечного взаимодействия по наиболее приоритетным для себя вопросам. Их условно можно разделить на следующие группы: решение проблемы присутствия в Центральной Азии в условиях вывода основного контингента войск с территории Афганистана; сдерживание Ирана; противодействие формированию энергетического союза Китая с пятью респуб-

ками вместе с дальнейшим ослаблением и изоляцией России; создание маршрутов транспортировки углеводородов на Запад в обход РФ.

Политика США в Центральной Азии демонстрирует двойственность, заключающуюся, с одной стороны, в сотрудничестве со всеми странами региона, с другой стороны, в отсутствии у Вашингтона единого подхода к пятерке государств, механизмов взаимодействия с политическими элитами по формированию некой «общей суммы». Поэтому поддержка суверенного развития стран региона входит в диссонанс с ускоренным «взращиванием» проамерикански настроенных сил «единого демократического стандарта» [14]. Американская политика, основанная на двусторонних соглашениях с центрально-азиатскими государствами, не принесла ожидаемых дивидендов: не удалось купировать китайские энергетические проекты и нивелировать российские позиции в регионе. Исключением является интенсивное развитие военного партнерства.

Продолжительное время государства Центральной Азии взаимодействовали со странами НАТО в вопросе милитаризации региона в контексте афганской кампании. Вместе с тем, администрация Б.Обамы в своей стратегии «Нового Шелкового пути» [25, 26] выдвигала в качестве императива совместное восстановление афганской экономики при активном содействии соседних государств. Госсекретарь США Х.Клинтон подчеркивала, что «в краткосрочной перспективе нам необходимо работать вместе, чтобы поддержать афганский народ в решении экономических проблем и проблем безопасности, возникающих в связи с переходом от военной

³ Буш создает отряд «Америка». 2005. 19 мая. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/05/19/teamamerica/> (дата обращения: 15.12.2020).

миссии. <...> Соединенные Штаты будут продолжать переводить наши усилия в области развития краткосрочных стабилизационных проектов, в основном в рамках военной стратегии, на более долгосрочное устойчивое развитие, направленное на стимулирование роста, создание рабочих мест, активизацию частного сектора и интеграцию Афганистана в страны Юга и экономику Центральной Азии» [26]. При этом центрально-азиатские страны в вопросе восстановления афганской экономики ориентировались на ресурсы более сильных игроков, таких как США, ЕС, Россия, Китай, и проявляли пассивность в самостоятельном участии в предложенном проекте. Это было обусловлено слабостью и зависимостью собственных экономик, а также желанием пролонгировать дополнительные выгоды, полученные в ходе военной кампании коалиции в Афганистане. Политические элиты центрально-азиатских стран с недоверием отнеслись к инициативе США и Германии по созданию «Нового Шелкового пути» или «Сердца Азии» в плане результативности такого проекта, который должен принести снижение уровня угроз с афганской территории [7].

Индикатором старта реализации программы «Сердца Азии» стало потепление в отношениях между Вашингтоном и Ташкентом вследствие поддержки Москвой гидроэнергетических проектов Кыргызстана, что привело к заключению 18 августа 2009 г. соглашения о военно-техническом сотрудничестве между Узбекистаном и США. Совместная афганско-узбекистанская граница стала основным фактором в установлении тесного сотрудничества между странами в условиях укрепления американских позиций в Центральной Азии при уменьшении военного присутствия Вашингтона в Афганистане. В период 2012–2015 годов в Узбекистан было осуществлено 6 визитов

на высшем уровне представителей американской администрации из военных и политических кругов, направленных на формирование «теплых» отношений между государствами [22].

Второй, но не менее важной, точкой опоры американской политики в Центральной Азии выступал Казахстан, с которым, начиная с 2003 г., на основе пятилетних планов ведется военное сотрудничество, предусматривающее совместные меры по противодействию терроризму и наркоторговле, поставки военной техники и оборудования, подготовку военных кадров и проведение совместных учений [13]. Казахстан выступает активным сторонником Стамбульского процесса (создание в ноябре 2011 года «зоны политического доверия» центрально-азиатских стран и Афганистана при участии Турции), а казахстанские правящие круги проводят политику укрепления границ и обеспечения безопасности страны [7].

Американский исследователь Р. Каплан, анализируя в 2012 году геополитическую ситуацию в центрально-азиатском регионе в ракурсе интересов Вашингтона, акцентировал: «Казахстан и есть тот самый маккиндеровский «Хартленд»! Государство изобилует стратегическими ресурсами и занимает центральное положение в Евразии. <...> Маккиндер верил, что «Хартленд» будет контролировать некая сверхдержава. Но в наше время «Хартленд» находится в руках его коренных жителей, а великие державы — Россия и Китай — ведут борьбу за пользование его ресурсами. Россия может влиять на Казахстан и даже оказывать определенное давление. Еще одним сдерживающим фактором для России в Центральной Азии является Китай, чье влияние в регионе растет и с которым у России протяженная граница на Дальнем Востоке. А достаточно хорошие отношения между Российской Федерацией и Китаем будут

способствовать укреплению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), региональной международной организации, членом которой является Казахстан. Эта организация призвана объединить евразийские страны, в основном с авторитарным строем, чтобы снизить влияние США. Платой же за российско-китайскую вражду может стать усиление влияния США и Европы в Евразии» [3].

В результате вышеперечисленных факторов, основными «точками опоры» действий США в регионе становятся Казахстан и Узбекистан, которые остаются главными партнёрами в военном и экономическом сотрудничестве, позволяя американцам проводить политику «сдержек и противовесов» относительно борьбы этих государств за региональное лидерство.

В реализации подходов по нивелированию регионального влияния геополитических соперников успехи Вашингтона не отличались высокой результативностью. Так, Россия в период американской администрации Б. Обамы укрепила свои позиции в Кыргызстане и Таджикистане, а также смогла сохранить партнерские отношения с Казахстаном по ключевым региональным проектам. Однако в диалоге Москвы с Ташкентом наблюдалось «похолодание» вследствие поддержки Кремлем региональных проектов Бишкека [7].

КНР постепенно превращается в одного из основных экономических и энергетических партнеров государств Центральной Азии вследствие потребностей «китайской фабрики» в энергоресурсах. Начиная с 2006 г., ведется строительство газотранспортной сети «Центральная Азия — Китай», в которой задействованы все пять республик. Общая пропускная способность данной артерии к 2015 году достигла 55 млрд м³ [5, с. 327]. Инвестиции Пекина в инфраструктуру и проекты по добыче ре-

сурсов превратили его в весомого игрока в Центральной Азии и обеспечили формирование «западного буфера» безопасности для самого Китая.

Под воздействием КНР и РФ американская администрация пересматривает направленность реализации энергетического коридора «Восток — Запад». Первоначально данная стратегия базировалась на создании транспортных путей с привлечением Азербайджана, Грузии и выходом к Турции. Однако данное направление теряет сторонников в Вашингтоне в силу ряда причин: обеспечение гарантиями стабильности территорий строительства трубопроводов; конкуренция Баку с Ашхабадом в вопросе импорта газа; переориентация Туркменистана на поставки голубого топлива в КНР и совместную разработку новых месторождений. Альтернативой проекту «Восток — Запад» выступает «Новый Шелковый путь», который ориентируется исключительно на развитие логистической инфраструктуры в южном направлении, рассчитывая на потребителей первого звена в лице Пакистана и Индии, и возможности выхода на мировые рынки по морским путям [26]. При этом вопрос о стабилизации внутренней обстановки в Афганистане для безопасной реализации договоренностей оставался открытым.

Для решения вопросов экономической интеграции внутри Центральной Азии с перспективой развития в южном направлении американской стороной в 2015 г. была инициирована модель сотрудничества «C5+1» (страны Центральной Азии + США — Е.К.,П.П.), основной задачей которой выступало «выдавливание» России из интеграционных процессов с государствами региона, а также урегулирование вопросов региональной безопасности, западных инвестиций и экологических проблем [9]. Однако региональное взаимодействие с Пеки-

ном и Тегераном Вашингтон рассматривал в позитивном контексте. При этом «Иран рассматривался администрацией в качестве “ворот” для стран региона, как в Азию, так и в Европу, что могло облегчить диверсификацию их коммерческих связей с внешним миром» [15].

Соединенные Штаты в период президентства Д. Трампа продолжали отстаивать свои геополитические интересы в Центральной Азии, активно действуя в условиях конкуренции со стороны КНР и РФ. Центрально-азиатский вектор в это время не входил в сферу основных приоритетов внешней политики Вашингтона. Поэтому первоначально американское видение своего регионального присутствия базировалось на фактическом продлении курса предыдущей администрации. Данный вектор был закреплён в принятой в 2017 году обновленной Стратегии национальной безопасности США [27], в которой акцентировались стремления Вашингтона: содействовать экономической интеграции Центральной и Южной Азии; поддерживать независимый курс центрально-азиатских государств от внешних сил и движение в направлении демократических реформ; продолжать антитеррористические операции с привлечением государств региона.

Постепенно внешнеполитический курс США трансформировался в вектор противодействия Китаю как экономическому сопернику, который в перспективе нескольких десятилетий может сместить центр силы с Запада на Восток. Пекин во втором десятилетии XXI в. активно наращивает свое присутствие в Центральной Азии не только в экономической, но и в военной и политической сферах, что побуждает Вашингтон вести более активную региональную политику. Кроме того, интерес США к региону обусловлен афганской проблемой, которая актуальна в связи с намерениями американ-

ской администрации нарастить воинский контингент в Афганистане и, традиционно, предотвратить укрепление российских позиций в центрально-азиатской части постсоветского пространства, а также добиться сдерживания устремлений Ирана в северном направлении. При этом с экономической точки зрения Вашингтон готов проводить инвестиционную политику в отношении государств Центральной Азии, но она нацелена на таких ближайших «союзников», как Казахстан и Узбекистан, что подтверждает ограниченность финансовых возможностей администрации Д. Трампа.

Сотрудничество в военной сфере в этот период становится основополагающей в контексте выстраивания отношений со странами Центральной Азии. Государствами «первого эшелона» американская сторона определила Казахстан и Узбекистан. Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан занимают второстепенные позиции ввиду их ориентации на других региональных игроков. В этом отношении Вашингтон оказывал Астане (Нур-Султану) и Ташкенту военно-техническую помощь, осуществлял контакты по обучению кадрового состава стандартам НАТО. Также был подписан ряд договоров, регламентирующих транзит грузов для снабжения американского контингента в Афганистане. Выстраивание взаимодействия США с Казахстаном и Узбекистаном базировалось на основе пятилетних планов сотрудничества и индивидуальных программ. В Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане американцы реализовывали программы по контролю биологических рисков, сформировав систему научных учреждений. Бишкек и Душанбе регулярно принимают участие в многочисленных учениях по программе Североатлантического альянса «Партнёрство ради мира» [13].

Политические элиты центрально-азиатских республик положительно восприняли изменения в региональной политике США. Данное обстоятельство объясняется их заинтересованностью в новых многомиллиардных инвестиционных проектах. Основной площадкой по развитию экономического сотрудничества выступает формат «C5+1», который осуществляется ежегодно, начиная с 2015 года. Также не исключается метод отдельных соглашений с наиболее «близкими» к американской администрации странами — Казахстаном и Узбекистаном, объем инвестиций в экономику которых составил 7 и 4,8 млрд долл. соответственно [9]. По объему финансовых вложений в казахстанские предприятия Вашингтон занимает второе место, а молодая элита страны, получившая образование на Западе, проецирует проамериканскую ориентацию [10]. Указанный формат также включает инвестирование в проекты в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане, однако широкое американское экономическое проникновение в эти государства купируется со стороны Китая и России.

Начиная с 2018 года, американская политика в Центральной Азии базируется на принципе «business comes first», что было зафиксировано по результатам встречи Д. Трампа с президентом Казахстана Н. Назарбаевым и президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым, т. е. программа по транслированию «демократических ценностей» сменилась экономическим прагматизмом [9].

США в вопросах «инъекции демократических ценностей» государствам Центральной Азии, учитывая ранее совершенные «ошибки» администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы, впоследствии занимают более взвешенную позицию, заключающуюся в соразмерном влиянии на отдельные страны региона. С одной стороны, аме-

риканская администрация приветствует смену политических лидеров в Казахстане и Узбекистане, сдержано выражает надежды на дальнейшую демократизацию в обмен на инвестиции, а с другой, — активно критикует «уровень демократии» в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане, применяя механизмы «мягкой силы» в формировании проамериканской элиты, стремясь в перспективе закрепить соответствующий вектор внешнеполитической ориентации центрально-азиатских государств [10]. В то же время по линии неправительственных организаций, финансируемых Вашингтоном, ведется работа среди населения стран Центральной Азии по дискредитации региональных позиций России и Китая, а также связанных с ними местных политических элит.

Указанные особенности политики администрации Д. Трампа были конкретизированы в «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 годы: продвижение суверенитета и экономического процветания» от 2020 года. Данный документ окончательно закрепил восприятие Вашингтоном центрально-азиатских стран как отдельной от Южной Азии и Большого Ближнего Востока региональной общности. Подчеркивалась позитивная роль платформы «C5+1» в решении вопросов различного уровня. В этом контексте отмечалась значимость экономического взаимодействия, поскольку «усилия государств Центральной Азии по увеличению иностранных инвестиций и привлечению бизнеса Соединенных Штатов повышают готовность лидеров пяти государств проводить реформы в области верховенства закона и соблюдать международные нормы. <...> США необходимо сделать акцент на сотрудничестве в тех областях, где у них есть сравнительные преимущества» [28]. В «Стратегии» упоминается необходимость американ-

ского содействия тому, «чтобы страны региона были все более связаны с Европой через Кавказ, с Афганистаном и Южной Азией, а также с мировыми рынками». Это свидетельствует об отказе развивать исключительно южное транспортно-логистическое направление и задействовании «старых» проектов по поставкам энергоресурсов партнерам на Запад в обход России.

Стратегия определяет американские позиции в Центральной Азии как одну из основ «национальной безопасности и защиты нашей родины, граждан и интересов за рубежом», акцентируя, что «тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будут уравнивать влияние соседей по региону. <...> расширение возможностей для бизнеса в США повысит экономическое процветание, а также поддержит занятость и промышленность в Соединенных Штатах» [28]. Обновленная региональная политика Вашингтона характеризуется прагматическими подходами в отношении центрально-азиатских государств и концентрацией на точечных проектах, что во многом обусловлено ограниченностью американских ресурсов и необходимостью учитывать позиции России и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, что внешнеполитические подходы США в отношении государств Центральной Азии в постбиполярный период, характеризовались, с одной стороны, ситуативной трансформацией, а, с другой — наличием императивов и констант,

являвшихся составляющими традиционной американской геостратегии в Евразии. Так, в краткосрочной перспективе прослеживались стремления Вашингтона сохранить и укрепить существующий геополитический плюрализм в масштабах континента, что обуславливает действия по нивелированию появлений государств или их коалиций, способных бросить вызов американскому лидерству. В среднесрочной перспективе указанная ситуация должна была смениться акцентами на появлении региональных партнеров, способствующих объединению ещё большего числа государств в реализации интересов США. Долгосрочная перспектива предполагала формирование т.н. «мирового центра совместной политической ответственности», ведомого Вашингтоном, планирующим сохранить глобальное лидерство.

В современных условиях ограниченности экономических возможностей и нарастающих социально-политических коллизий внутри Соединенных Штатов реалистичным представляется сценарий, в соответствии с которым внешнеполитический курс новой администрации в отношении государств центрально-азиатского региона будет продолжать исходить из целесообразности частичной передачи «глобальных обязательств» региональным союзникам. Подобное не исключает реализации стратегии «удаленного сдерживания» России и Китая посредством задействования стран-партнеров США в контексте стимулирования региональных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения; 2005. 256 с.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. Москва: Ладомир; 1997. 848 с.
3. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих

- конфликтах и битве против неизбежного. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус; 2016. 384 с.
4. Cohen A. The New “Great Game”: Oil Politics in the Caucasus and Central Asia. *The Heritage Foundation Backgrounder*. 1996;1065:1-13.
5. Жильцов С. С. Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>
6. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. К вопросу об энергетическом измерении международной конкуренции в Центральной Азии. *Международные отношения*. 2017;2:118-127. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.2.22126>
7. Олкотт М. Б. Государства Центральной Азии идут своим путем. *Pro et Contra*. 2013;1-2(58):70-78.
8. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
9. Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии. *Вестник Томского государственного университета*. 2020;455:97-103.
10. Ионова Е. П. Политика администрации Д. Трампа в Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*. 2020;III(XLVIII):53-65.
11. Крыжко Е. В. Проблема военно-политического присутствия США в Центральной Азии (2001-2002 гг.). *Научный вестник Крыма*. 2017;1:1-6.
12. Пашковский П. И. Параметры интеграционной политики России в отношении государств Центральной Азии (1992–2009 гг.). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;2(26):88-93.
13. Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>
14. Приймачук Д. В. Центральная Азия и Соединенные Штаты Америки: проблемы и перспективы. *Международные отношения*. 2017;1:90-101. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.1.20600>
15. Шенин С. Ю. Основные этапы политики США в Центральной Азии в период администрации Б. Обамы. Современные евразийские исследования. 2017;2:6-13.
16. Язмурадов А. Большая Южная Азия: новый подход США к Центральной и Южной Азии — эволюция и причины появления. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;4(46):93-107.
17. Mereand R. Civilian Response Corps. National Security Watch. 2008. 3 October. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/NSW-08-4-Civilian-Response-Corps.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
18. Starr S. F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS; 2005. 36 p.
19. The Freedom Support Act. 1992. 24 October. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532> (дата обращения: 15.12.2020).
20. Silk Road Strategy Act of 1999. 1999. 3 August. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> (Accessed: 15.12.2020).
21. Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. 2002. 8 July. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
22. Крыжко Е. В. Основные приоритеты внешней политики Узбекистана. В: Сукиасян А. А. Наука третьего тысячелетия: сборник статей

- Международной научно-практической конференции. Уфа; 2016;3:11-16.
23. S.J.Res. 3 (108th): A joint resolution expressing the sense of Congress with respect to human rights in Central Asia. 2003. 9 April. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/sjres3/text/rs> (Accessed: 15.12.2020).
24. Silk Road Strategy Act of 2006. 2006. 4 May. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749/text> (дата обращения: 15.12.2020).
25. Joint Statement of the Co-Chairs of the Ministerial Meeting on the New Silk Road. 2011. 22 September. URL: <https://www.mynewsdesk.com/us/u-s-state-department/pressreleases/joint-statement-of-the-co-chairs-of-the-ministerial-meeting-on-the-new-silk-road-685683> (дата обращения: 15.12.2020).
26. Clinton H.R. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. 2011. 22 September. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
27. National Security Strategy of the United States of America. The White House. 2017. December. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=806478> (дата обращения: 15.12.2020).
28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).

REFERENCES:

1. Bzhezinskij Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House; 2005. 256 p. (In Russ.)
2. Kissinger G. Diplomacy. Moscow: Ladomir Publishing House; 1997. 848 p. (In Russ.)
3. Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publishing House; 2016. 384 p. (In Russ.)
4. Cohen A. The New “Great Game”: Oil Politics in the Caucasus and Central Asia. *The Heritage Foundation Background*. 1996;1065:1-13.
5. Zhiltsov S.S. The Infrastructure Projects in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335> (In Russ.)
6. Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. On the Issue of the Energy Dimension of International Competition in Central Asia. *International Relationships*. 2017;2:118-127. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.2.22126> (In Russ.)
7. Olcott M.B. The Central Asian states are following their own path. *Pro et Contra*. 2013;1-2(58):70-78. (In Russ.)
8. Pashkovsky P.I. Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011). Kiev: Interservice; 2012. 189 p. (In Russ.)
9. Garbuzarova E. G. The D. Trump’s Foreign Policy Priorities in Central Asia. *Tomsk State University Journal*. 2020;455:97-103. (In Russ.)
10. Ionova E.P. The D. Trump Administration’s Policy in Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*. 2020;III(XLVIII):53-65. (In Russ.)
11. Kryzhko E.V. The Problem of the US Military-Political Presence in Central Asia (2001–2002). *Scientific Bulletin of Crimea*. 2017;1:1-6. (In Russ.)
12. Pashkovsky P.I. Parameters of Russia’s Integration Policy Towards the Central Asian States (1992–2009). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;2(26):88-93. (In Russ.)

13. Ponomarev V. A. U.S. Main Policies in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459> (In Russ.)
14. Prijmachuk D. V. Central Asia and the United States of America: Problems and Prospects. *International Relations*. 2017;1:90-101. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.1.20600> (In Russ.)
15. Shenin S. Yu. The main stages of US policy in Central Asia during the Obama administration. *Contemporary Eurasian Studies*. 2017;2:6-13. (In Russ.)
16. Yazmuradov A. Greater South Asia: A New US Approach to Central and South Asia — Evolution and Reasons. *Central Asia and The Caucasus*. 2006;4(46):93-107. (In Russ.)
17. Mereand R. Civilian Response Corps. National Security Watch. 2008. 3 October. URL: <https://www.ousa.org/sites/default/files/NSW-08-4-Civilian-Response-Corps.pdf> [Accessed: 15.12.2020].
18. Starr S. F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS; 2005. 36 p.
19. The Freedom Support Act. 1992. 24 October. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532> [Accessed: 15.12.2020].
20. Silk Road Strategy Act of 1999. 1999. 3 August. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> [Accessed: 15.12.2020].
21. Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. 2002. 8 July. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> [Accessed: 15.12.2020].
22. Kryzhko E. V. The main priorities of Uzbekistan's foreign policy. In: Sukiasyan A. A. Science of the Third Millennium: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa; 2016;3:11-16. (In Russ.)
23. S.J.Res. 3 (108th): A joint resolution expressing the sense of Congress with respect to human rights in Central Asia. 2003. 9 April. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/sjres3/text/rs> [Accessed: 15.12.2020].
24. Silk Road Strategy Act of 2006. 2006. 4 May. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749/text> [Accessed: 15.12.2020].
25. Joint Statement of the Co-Chairs of the Ministerial Meeting on the New Silk Road. 2011. 22 September. URL: <https://www.mynewsdesk.com/us/u-s-state-department/pressreleases/joint-statement-of-the-co-chairs-of-the-ministerial-meeting-on-the-new-silk-road-685683> [Accessed: 15.12.2020].
26. Clinton H. R. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. 2011. 22 September. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> [Accessed: 15.12.2020].
27. National Security Strategy of the United States of America. The White House. 2017. December. URL: <https://www.hsdl.org/?view&-did=806478> [Accessed: 15.12.2020].
28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> [Accessed: 15.12.2020].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евгений В. Крыжко, кандидат исторических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4;

jeyson1030@gmail.com

Петр И. Пашковский, кандидат политических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; petr.pash@yandex.ru

Evgeniy V. Kryzhko, PhD of Historical Sciences, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea; jeyson1030@gmail.com

Petr I. Pashkovsky, PhD of Political Science, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea; petr.pash@yandex.ru